

Именины в пространстве летописного нарратива*

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики”
(Москва)

Фёдор Борисович Успенский

Институт славяноведения РАН /
Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики” /
Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)

The Name Day as a Part of Medieval Historiographical Narrative

Anna F. Litvina

National Research University “Higher
School of Economics” (Moscow)

Fjodor B. Uspenskij

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences / National
Research University Higher School of
Economics / Russian State University
for Humanities (Moscow)

Резюме

Статья посвящена тому, как в летописном нарративе могут изображаться именины русских князей или их приближенных. Особое внимание уделяется рассказам о недолжном, неподобающем поведении на именинах, своих и чужих. В работе рассматривается функция и характер такого рода эпизодов в более широком контексте историографического повествования.

Ключевые слова

Древняя Русь, именины, культ патрональных святых, Рюриковичи, летописный нарратив

* В этой работе использованы результаты проекта “Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия”, выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Abstract

The article investigates the ways in which the celebration of the name day (*imeniny*) of Russian princes or their entourages was presented in the Russian chronicles. The custom of celebrating the name day was firmly rooted in the Russian princely environment. For a chronicle narrative, the very rootedness of this custom and the number of its associated actions plays an important role—it is this rootedness that makes stories told in the chronicles quite opaque to the modern reader. A prince's Christian name and the day of his patron saint were considered to be important background knowledge for the audience of the medieval compiler. There were, apparently, clear ideas about appropriate behavior for prince or a person from his environment on his name day or on the eve of this day but, on the other hand, such assumptions explain why this kind of "normal" behavior rarely forms the subject of special reflection in the chronicles. It is not only a description of the celebration itself that might be very informative, whether it be a church service, a ceremonial feast with various relatives, or an exchange of gifts, but also the description of acts and deeds that were undertaken specifically on a prince's name day. Therefore, particular attention is given here to stories about undue or inappropriate behavior on this special day. The paper deals with the function and nature of such episodes in the broader context of historiographical narrative.

Keywords

pre-Mongolian Rus', name day, cult of saints, patron saints of Russian princes, Rurikids, historiographical narrative

Обычай праздновать именины, по-видимому, очень рано и весьма прочно укореняется в русской княжеской среде. Во всяком случае, столетие спустя после крещения страны он, подобно свадьбам, постригам и похоронам, воспринимается как некая неотъемлемая часть династического обихода. Разумеется, каждое из этих повторяющихся событий родовой жизни Рюриковичей являет собой сложное сочетание целого ряда компонентов, причем дело не ограничивается переплетением собственно христианского и языческого или славянского со скандинавским, не сводится оно и к наложению практик сугубо семейных на потребность публичной манифестации власти, хотя все это мы можем наблюдать в интересующей нас именной традиции. Весьма любопытным здесь может оказаться не только описание действий, из которых непосредственно состоит празднование, будь то церковная служба, непременный обед, съезд ближайших или более отдаленных родичей, обмен дарами, но и те события, которые к этому празднованию сознательно и целенаправленно приурочиваются, а это может быть поставление митрополита, начало военного похода или политическое убийство.

Нельзя не учитывать, однако, что на все эти явления исторической реальности мы волей-неволей вынуждены смотреть сквозь призму реальности повествовательной. В самом деле, если факты церковного

строительства или сфрагистические данные способны снабдить нас разнообразной информацией относительно фигуры конкретного святого, на день памяти которого приходились именины того или иного Рюриковича, то об обстоятельствах празднования как такового мы узнаем почти исключительно из летописного нарратива.

В свою очередь, для конструирования нарратива укорененность самого обычая этого празднования и целого ряда сопряженных с ним действий играет немалую роль — именно подобная укорененность делает летописный рассказ не всегда прозрачным для современного читателя. Так, христианское имя князя и день памяти его патронального святого для аудитории средневекового летописца зачастую принадлежали, по видимому, к числу фоновых знаний, ежегодно актуализирующихся в его памяти. Существовали, судя по всему, и устойчивые представления о том, что князю или человеку из его окружения надлежит делать на именины или в их канун, а, соответственно, такого рода “нормальные” факты и поступки относительно редко становятся предметом специальной рефлексии в летописи.

Не про всякое, даже и достаточно заметное событие в жизни князя мы можем сказать, было ли оно приурочено к его именинам. Так, мы знаем, что освящение церкви Николая на Дворище в Новгороде было совершено 5 декабря 1136 г. по прямой инициативе князя Святослава Ольговича [ПСРЛ, 3: 24, 209], а поскольку в крещении этот князь был *Николаем*¹, мы с большой долей уверенности можем говорить о самой непосредственной связи этого события с его именинами (6 декабря отмечается празднование памяти Николая Мирликийского). В перспективе интересующей нас темы еще более любопытно, хотя и менее прозрачно, указание на то, что родной брат Святослава, Всеволод Ольгович, 9 июня заложил в Каневе церковь св. Георгия [ПСРЛ, 2: 317]. На 9 июня приходится празднование памяти св. Кирилла Александрийского, а тот факт, что крестильным именем Всеволода было *Кирилл*, весьма надежно восстанавливается по целому ряду косвенных данных². Таким образом, в нашем распоряжении оказываются данные, свидетельствующие, что князь мог приурочивать знаменательные даты церковного строительства к собственным именинам вне зависимости от того, возводил ли он церковь во имя своего собственного патрона или других, не тезоименитых ему, но особенно почитаемых в семье святых. Обратим внимание, однако, что в обоих указанных случаях мы не находим в летописях какого-либо эксплицитно выраженного сообщения об именинах князя,

¹ Крестильное имя князя зафиксировано в уставной грамоте церкви св. Софии в Новгороде, см.: [Шапов 1976: 148].

² См. подробнее: [Литвина & Успенский 2006: 504–505].

и современному исследователю приходится прибегать здесь к некоторым дополнительным, хотя и элементарным выкладкам.

Куда более обширен круг таких случаев, когда у нас нет никаких показаний источника о связи того или иного благочестивого деяния князя с собственными именинами, или, во всяком случае, построения, к которым мы прибегаем для восстановления этой связи, неизбежно отличаются многоступенчатостью, а, соответственно, и относительно малой надежностью. Так, в XI – пер. пол. XII вв. в одной и той же ветви рода Рюриковичей появляются трое князей – обладателей христианского имени *Андрей*: Всеволод Ярославич, который, судя по многочисленным косвенным данным, был *Андреем* в крещении³, его внук, Андрей Владимирович Добрый, и его правнук Андрей Юрьевич Боголюбский, для которых имя *Андрей* совмещало, по всей видимости, функции родового и крестильного. Мы знаем также о многочисленных фактах особого почитания ими самими и их ближайшими родственниками целого ряда святых тезок по имени *Андрей* – апостола Андрея, Андрея Стратилата, Андрея Критского и Андрея Юродивого. Известно, в частности, что в Переяславле, где довольно длительное время княжили Всеволод-Андрей Ярославич и отец Андрея Доброго, Владимир Мономах, была возведена церковь св. Андрея, однако ни точная дата ее закладки, ни точная дата ее освящения в источниках не указаны⁴. Соответственно, у нас остается широкое пространство для гипотез относительно того, с каким именно из князей Андреев ее возведение было связано, с одним или несколькими святыми Андрееями она была соотнесена и осознавалось ли ее строительство как приуроченное к рождению и/или именинам кого-либо из Рюриковичей.

Вопросы подобного рода, касающиеся не только церковного строительства, но и самых разнообразных актов княжеского благочестия, воплощенных или не воплощенных в тексте, в значительной степени и формируют поле деятельности исследователя XI–XII столетий, именно в силу того, что летопись не дает на них однозначных ответов. Источники, в сущности, не предоставляют в наше распоряжение ни одного сколько-нибудь развернутого рассказа о том, как происходили “нормальные” княжеские именины, мы знаем очень мало или почти ничего о протяженности этого события во времени, о его церемониальной структуре и тем более – о восприятии этой важнейшей составляющей княжеского обихода современниками. Даже различные генетические и типологические параллели, данные о том, как именины правителя могли

³ См. подробнее: [Литвина & Успенский 2006: 507–508].

⁴ Ср. [Раппопорт 1993: 38, 42; 1993А: 262]: автор предполагает, что церковь была посвящена св. Андрею Стратилату.

отмечаться в ту эпоху за пределами Руси, в других частях христианского мира⁵, не могут быть использованы в полную силу, поскольку не так просто судить, сколь далеко может заходить в этом отношении своеобразие древнерусской династической традиции. Иными словами, мы в очередной раз сталкиваемся с довольно распространенной в истории культуры ситуацией, когда ни существование того или иного явления, ни его укорененность в традиции не вызывает сомнений, и тем не менее, чтобы подступиться к его целостной характеристике — будь то характеристика исторического факта или характеристика его использования в нарративе, — мы вынуждены использовать некие неожиданные, причудливые ракурсы рассмотрения, потому что самая укорененность явления обуславливает острый дефицит в описании нормы.

Так, на общем фоне недостатка детализированных рассказов о благополучных именинах контрастно выделяется целая группа летописных примеров, когда под пером повествователя проступает связь именин отнюдь не с благочестивым поступком или традиционным праздничным действием, но с неким “безобразием”, эксплицитным нарушением норм поведения, совершением действий, заведомо не подходящих ни христианину вообще, ни правителю или его приближенному в особенности. Рассказы об этих бесчинствах и нарушениях появляются уже в составе “Повести временных лет”, в сущности, они фиксируются столь же рано, как и упоминание именин как таковых, хотя самый термин *именины* отнюдь не всегда в них присутствует.

Чрезвычайно характерен в этом отношении случай неподобающего поведения князя, связанный с “чужими” именинами, которые тем не менее к нему самому имеют более чем непосредственное отношение. Речь идет о нападении Олега Святославича на его двоюродного племянника, Мстислава Владимировича. Оно совершается в ходе военных действий, вызванных княжеской междоусобицей, однако летописец отмечает, что Олег приготовился атаковать Мстислава уже в процессе мирных переговоров, причем Мстислав выступил их инициатором, а Олег согласился принять в них участие, но, как подчеркнуто в рассказе, лишь для вида:

... Шлег же побѣже к Мурому. а Мстиславъ приде Суждалю и сѣда ту посылаше к Шлгови мира проса. глѣ азъ ксмъ мнии тебе слиса к шѣю моему. а дружину юже кси задалъ вороти. а цазъ тебе во всё послушаю. Шлег же посла к нему с лестью хота мира [ПСРЛ, 1: 238].

⁵ О феномене именин в христианской традиции см. [DÜRIG 1954]; ср. также [MITTERAUER 1993: 142–146, 330–345, 351–367, 474; примеч. 336] с указанием литературы.

Мстислав принимает на веру мирные намерения Олега (фальшивые, как читатель знает с самого начала) и не только распускает дружину, но даже и не выставляет охраны вокруг своего лагеря. Поэтому весть о том, что Олег с войском уже стоит на Клязьме, приходит к нему внезапно, в летописи подчеркивается, что до последнего момента Мстислав Владимирович ничего не знал о его военных приготовлениях⁶.

Вообще говоря, рассказ о том, как правитель-военачальник, применив некий тактический маневр, сумел внезапно подойти с войском к лагерю другого правителя, проявляющего воинскую беспечность и неосторожность, в русских летописях (как, пожалуй, и во многих других средневековых хрониках) повторяется неоднократно и может считаться своеобразным “общим местом” как для исторической реальности, так и для исторического нарратива. Важную роль, однако, в структуре таких эпизодов играет оценка повествователя, выражаемая им непосредственно или высказываемая от лица некоей “третьей силы”, каких-либо других участников или свидетелей события.

Так, в рассказе о соперничестве младшего брата Мстислава, Юрия Долгорукого, с племянником, сыном Мстислава Изяславом, мы находим эпизод, когда Изяславу с союзными войсками венгров удастся незаметно и внезапно захватить Белгород и подступить к Киеву, а потому Юрий, получивший в последний момент предупреждение от своего сына Бориса, из Белгорода бежавшего, “не може собѣ ничимъ же помочи” [ПСРЛ, 2: 416]. При этом оценку действий каждого из соперников мы узнаем из дальнейшего повествования. Трудно усомниться, что именно Изяслав Мстиславич в данной ситуации воспринимается как умелый стратег и достойный правитель, об этом свидетельствует самый характер сообщения о его вокняжении в Киеве, где выделяются разноуровневые признаки княжеской состоятельности Изяслава, от наследственного характера прав на старший стол до всеобщего веселья, царящего на обеде, устроенного им для киевлян и своих союзников-венгров⁷.

Что же касается Юрия Долгорукого, то гневную оценку его действий мы обнаруживаем в речи того союзника, на которого он более всего рассчитывал, причем неумение уследить за маневрами противника трактуется здесь едва ли не как проявление княжеской профессиональной непригодности в целом. Согласно летописи, Владимир Галицкий говорит его сыну, Андрею Боголюбскому:

⁶ . . . приде кму вѣсть яко Шлегъ на Клязмѣ. близъ бо бѣ пришелъ безъ вѣсти [ПСРЛ, 1: 239].

⁷ . . . Изяславъ же. въ Къевѣ сѣде. на столѣ дѣда своего и ѿца своего. с честию великою много изымаша дружины Гюргевы по Киеву. Изяславъ же ѿ стоѣ Софьи. поѣха и съ братьею на Ідрославль дворъ и Оугры позва со собою на ѿбѣдъ и Кианы и ту ѿбѣдавъ с ними. на велицемъ дворѣ на Ідрославли и пребыша оу велицѣхъ весельи [ПСРЛ, 2: 416].

. . . како естъ кнѣжение свата моего. аже рать на нь из Володимера идеть а како того не оувѣдати. а ты снѣ е сѣдиши в Пересопници. а дрѹгыи Бѣлѣгородѣ. како того не оустеречи. и рѣ съ гнѣвомъ къ Андрѣви Гюргевичю. вже тако кнѣжите съ своимъ ѿидѣмъ а правите сами а ꙗ не могу на Изаслава ѿдинѣ поити [ПСРЛ, 2: 416–417].

Таким образом, “правым” признается именно тот полководец, кто напал внезапно, а отнюдь не тот, кто проявил беспечную доверчивость.

Возвращаясь на полстолетия с лишним назад, к эпизоду столкновения Олега и Мстислава, нетрудно убедиться, что — несмотря на целый ряд совпадений (вплоть до лексических) в параметрах описания ситуации — оценки и акценты расставлены здесь совершенно иначе. Правда почему-то оказывается на стороне беспечного. И дело здесь не в том, что летописец настроен благожелательно исключительно к Мономаховой ветви рода и недоброжелательно к Олегу и другим Святославичам. Дабы убедиться в этом, достаточно обратиться к более широкому контексту истории интересующей нас княжеской междоусобицы. На первом этапе конфликта действия Олега оцениваются как совершенно правомерные:

Ѡлегъ же надѣвася правду на свою. ꙗко правъ бѣ всѣмъ. и поиде к городу с вои [ПСРЛ, 2: 227].

Едва ли можно счесть решающим и то обстоятельство, что тактический план Олега Святославича, план внезапного нападения, в конце концов провалился. В самом деле, этот провал стал очевиден далеко не сразу, его предвляла целая вереница взаимосвязанных событий, в частности, большое сражение, где друг другу противостоят две пары братьев — Олег и Ярослав, с одной стороны, и их двоюродные племянники Мстислав и Вячеслав, с другой. Едва ли не решающую роль в победе Мономашичей играет помощь, присланная отцом молодых князей, а также их своеобразная военная хитрость — использование в битве стяга Владимира Мономаха, по-видимому, заставляющего противника верить в его личное участие в сражении.

Однако прежде чем все это произойдет, прежде чем мы получим в свое распоряжение описание второго — невыгодного для Олега — этапа мирных переговоров и предшествующей ему битвы с достаточно подробными характеристиками расстановки сил и маневров противоборствующих сторон, мы уже знаем, кто окажется правым в данной ситуации внезапного нападения. Летописец, сообщив о том, что сторожа не были расставлены и никаких известий о передвижении противника поначалу не было, сразу же снабжает это указание явно оценочным маркером: “. . . но Бѣ вѣсть избавлати блѣготвѣдъ своа ѿ лъсти”. При

этом он, по всей видимости, обыгрывает омонимию существительного *вьсть* и глагола настоящего времени *вьсть* и строит весь пассаж так, что корень *-вьд-* повторяется трижды, дважды ассоциируясь с событиями человеческой жизни, а в третий раз — с Божьим промыслом:

... а Мстиславу сѣдацю на вбѣдѣ. приде кюму вѣсть яко Влегъ на Клазмѣ. близъ бо бѣ пришелъ без вѣсти. Мстислав же ему имѣ вѣру не постави сторожовъ. но Бѣ вѣсть избавлати блгоѣтвѣща своѣмъ ѿ лъсти [ПСРЛ, I: 239].

В чем же, однако, заключается *лесть* ('обман', 'хитрость', 'коварство') Олега? Сводится ли все дело к тому, что он успел для виду ввязаться в мирные переговоры, впрочем, еще не пришедшие, судя по тексту, к сколько-нибудь определенным результатам?

Обратим внимание, что коварное нападение совершается не сразу и при этом оно датировано подвижным праздником, характеризующимся по имени определенного святого — Феодорова неделя и Феодорова суббота. Для этой части летописи подобная датировка событий, с помощью указаний праздников или дат памяти святых, отнюдь не является чем-то регулярным и типичным, повторяющимся из статьи в статью. Тем более нетипичным оказывается упоминание княжеского обеда, по всей видимости, продолжительного и праздничного, в связи с данной датировкой. Очевидно, таким образом, что упоминание Феодоровой субботы — это не нечто рутинное, а конструктивный элемент повествования. Иными словами, совершенно закономерен вопрос, почему для описания нападения Олега понадобились эти нетривиальные хронологические уточнения.

К счастью, относительно князя Мстислава Владимировича мы располагаем вполне надежными данными, позволяющими строить предположения относительно смысла этих нарративных элементов. Мы знаем, что в крещении Мстислав носил имя *Феодор*⁸, и наиболее вероятно, что из всех свв. Феодоров месящеслова он в первую очередь был связан с Феодором Тироном. С другой стороны, именно память Феодора Тирона специальным образом отмечается в первую субботу Великого поста, в домонгольское время именно этот святой давал имя и всей первой великопостной седмице. По-видимому, данный подвижный праздник для культа Феодора Тирона имел не меньшее, а возможно, и большее значение, чем "фиксированная" память святого, приходящаяся на 17 февраля, во всяком случае, Феодорова неделя упоминается в летописи куда чаще, нежели соответствующая неподвижная календарная дата.

Трудно сказать наверняка, с каким из этих дней связывался выбор патронального святого для Мстислава Владимировича. Еще меньше

⁸ Обзор данных см. в [Литвина & Успенский 2006: 581–582].

данных у нас о том, как вели себя князья в тех случаях, когда память их святого патрона праздновалась в году не единожды. Если учитывать общую тенденцию почитания всех тезоименитых святых месяцеслова (например, всех свв. Феодоров или всех свв. Андреев), то закономерно допустить, что уж ни один из дней, непосредственно посвященных личному небесному покровителю (в нашем случае, два празднования Феодору Тирону), князь не оставлял без внимания. Таким образом, с достаточной степенью уверенности можно предположить, что Мстислав был застигнут известием о приближении противника в тот самый момент, когда он праздновал свои именины. Очевидно, что для летописца и его аудитории эта особая связь Мстислава с Феодоровой субботой принадлежала к числу фоновых знаний, поскольку почитание князем собственного патронального святого (а зачастую и его тезок) было делом заведомо публичным.

Итак, Олег Святославич напал на двоюродного племянника в день его святого, по всей вероятности, отмечаемый как именины. Однако коварство Олега не ограничивалось и этим. Обращает на себя внимание, в частности, особая мягкость и готовность Мстислава идти на переговоры с этим своим родичем, в сущности, относительно отдаленным. Подобную мягкость можно было бы отнести исключительно на счет нарративной стратегии летописца, симпатизирующего этому князю, а потому подчеркивающего его христианские и княжеские добродетели. Тем не менее за этой толерантностью и готовностью к миру стоят и вполне конкретные, биографические обстоятельства, которые по счастью дошли до нас благодаря тому, что письмо Владимира Мономаха своему кузену Олегу сохранилось в составе Лаврентьевского свода [ПСРЛ, 1: 252].

Как явствует из текста письма, Олег был крестным отцом Мстислава, а поэтому военный конфликт с ним естественно воспринимался крестником как нечто вынужденное и недолжное. Тем контрастнее оказывается, с другой стороны, вероломное поведение Олега Святославича, ибо кому, как не крестному, было знать о дне именин своего крестника, и насколько расчетливым и неподобающим оказывалось, таким образом, нападение на него именно в этот праздник.

Именинник в данной ситуации является, так сказать, не виновником, а жертвой “безобразия”. Тем не менее можно, как кажется, утверждать, что рассказ на этом отрезке строится вокруг извращения естественного порядка вещей. Действительно, именины, помимо всего прочего, призваны служить напоминанием о событии крещения во имя определенного святого, соответственно, крестный — одна из важнейших фигур в таинстве и празднестве крещения — должен был бы в нормальной

ситуации оставаться таким же олицетворением благочестия и духовного отцовства и в день именин. На деле Олег совершает нечто прямо противоположное.

Подчеркнем еще раз, что не располагай мы по счастливой случайности данными о крестильном имени Мстислава Владимировича и о его духовном родстве с Олегом Святославичем — данными, пришедшими к нам из источников, в сущности, изначально не имевших отношения к летописному нарративу, — именная “соль” эпизода отчасти ускользала бы из нашего восприятия, но не из восприятия аудитории, на которую рассчитывал летописец. У нас нет оснований полагать, что его текст в этой своей части существенно отклонялся от фактов исторической реальности, и при этом он использовал их наиболее эффективным для повествования образом.

История о бесчинствах внука Мстислава Великого, учиненных в самом начале 1203 г., в данном отношении устроена несколько иначе, хотя, с другой стороны, по ряду параметров она напоминает описание тревожных именин деда в 1096 г. Снова речь идет о княжеской усадьбе, есть в происходящем и элемент внезапности — Рюрик Ростиславич захватывает Киев в ту пору, когда у него, казалось бы, нет необходимых для этого ресурсов, а наиболее могущественные в тот момент русские князья, Всеволод Большое Гнездо и Роман Мстиславич, только что сговорились и посадили там своего ставленника Ингваря Ярославича. Тем не менее, этот фактор внезапности не педалируется в летописном тексте, и не эти обстоятельства важны для повествователя в первую очередь.

Прежде чем говорить подробнее об особенностях нарратива в данном фрагменте, оговоримся сразу же, что в целом летописное повествование о событиях рубежа XII–XIII вв. заметно отличается от “Повести временных лет” в том, что касается способа датировки. К этому времени сообщение точного дня с отсылкой к имени святого, чья память праздновалась в тот день, и для Лаврентьевской, и для Новгородской первой летописи (а именно в них запечатлены рассказы об интересующем нас происшествии) становятся делом вполне обычным. Соответственно, гораздо больше в нашем распоряжении оказывается точных дат закладки церквей и других актов княжеского благочестия, соотносенных с месяцесловом. С другой стороны, все чаще обнаруживаются в летописи и указания христианских имен тех или иных Рюриковичей. Совпадения какого-либо события с именинами князя или их кануном могут становиться предметом специальной рефлексии летописца, как это происходит, например, в статье Ипатьевской летописи, где отмечается, что Владимир-Димитрий Всеволодич, сын Всеволода Большое Гнездо, родился на именины отца:

Того же лѣтѣ оу великого княза Всеволода родиса сѣн до заоутренаѣ сѣго Дмитрѣа дѣе и именины же тогда бахоутѣ. Всеволодѣ же велѣ оучинити сѣви своему во свое има Дмитрѣи въ сѣмъ крѣщнии а княжее има оучини емоу Володимирѣ дѣа своего има Мономаха Володимѣра [ПСРЛ, 2: 674–675].

Подобные изменения не были, судя по всему, исключительно отражением личных вкусов и пристрастий того или иного составителя летописного свода. Они отвечали некоей общей тенденции — церковный календарь играл, по-видимому, все большую роль в повседневном обиходе княжеской семьи и ее окружения, и, с другой стороны, культ святых патронов рода Рюриковичей не только становился более публичным и “наглядным”, но и приобретал все большую разветвленность и многоступенчатость.

Князь мог, как и в старину, построить церковь во имя своего собственного небесного тезки и освятить ее на день памяти, который одновременно являлся и его именинами. Он мог также приурочивать возведение того или иного храма к рождению наследника и освящать его во имя того святого, по которому этот наследник был наречен в крещении, запечатлевая тем самым день его именин в памяти окружающих. Кроме того, теперь он мог, в качестве демонстрации особой приязни и союзнических намерений, возвести церковь в честь кого-либо из святых патронов своих ближайших свойственников — родственников, обретенных не в силу рождения, но по собственной воле, благодаря браку кого-либо из княжеских детей. Имена и именины этих новых союзников оказывались, таким образом, всегда перед глазами жителей того города, который он держал.

Рюрик Ростиславич охотно пользовался этим усовершенствованным и разнообразным языком имен и дат, выступая, так сказать, и в роли адресата, и в роли адресанта различных материально-символических “высказываний”. В летописи напрямую сообщается, что в крещении Рюрик звался *Василием* (как, например, и его прадед Владимир Мономах, прапрапрадед Владимир Святой и целый ряд других родичей) [ПСРЛ, 1: 708; 2: 707]. Еще в ту пору, когда в Киеве княжил Рюриков сват, Святослав Всеволодич, тот, вскоре после женитьбы своего сына Глеба на дочке Рюрика, построил церковь св. Василия, причем митрополит Никифор освятил ее на 1 января, на день памяти Василия Кесарийского [ПСРЛ, 2: 634]. Сам Рюрик занимался поновлением Выдубицкого Михайлова монастыря, что стало поводом для появления пространного панегирика ему и его семье в составе Киевской летописи [ПСРЛ, 2: 709–715]. Напомним, что *Михаилом* был в крещении не только родной отец, но и старший сын Рюрика⁹, присутствовавший на огромном пиру, который Рюрик

⁹ Оба они были при этом обладателями княжеского имени *Ростислав*, см. подробнее [Литвина & Успенский 2006: 600–601].

устроил в честь завершения строительных работ для своих приближенных, насельников монастыря и всех, кому случилось там оказаться.

В честь собственного небесного покровителя, св. Василия, Рюрик возвел храм в Овруче, городе, который был его наследственным владением и излюбленной резиденцией [Раппопорт 1972; 1993а: 94–95]. Наиболее же торжественными, по-видимому, были строительство и освящение церкви св. Василия на Новом дворе в Киеве, которую князь “созда [. . .] во имя свое”. Она была освящена на 1 января (память св. Василия), причем в этом участвовал не только митрополит Никифор, но и епископы Белгородский и Юрьевский [ПСРЛ, 2: 707]. Таким образом, именины этого князя никак не могли изгладиться в сознании обитателей Киева, где он просидел долгие годы. Не мог остаться этот день неведомым и для клира церквей и монастырей в тех многочисленных русских городах, где сидели родственники, союзники и ставленники Рюрика, занимавшего стол, который на Руси, несмотря на все политические перипетии, сохранял в ту пору хотя бы символическое старшинство.

При этом в 1203 г. начало января князь Рюрик Ростиславич отметил, как уже упоминалось, совершенно иначе, чем в те годы, когда он или его сват Святослав мирно и благополучно сидели в Киеве. Эти дни были ознаменованы захватом Киева и чудовищным, по оценке летописцев, разорением города. Составитель соответствующей статьи Новгородской первой летописи несколько более лаконичен, тогда как автор летописи Лаврентьевской, который мог быть свидетелем этих событий или, по крайней мере, близко соприкасаться с их очевидцами, подробно описывает “велико зло в Русѣти земли” — разграбление Св. Софии, Десятинной церкви и всех монастырей (“ . . . и иконѣ вдраша. а инѣѣ поимаша. и крѣтѣ чѣтныа. и ссудѣ свѣщныа. и книгѣ и портѣ блѣжнѣх^в первѣѣ князѣи. еже баху повѣшали в црѣквахѣ сѣхѣ на памѣѣ собѣ то положиша все [собѣ] в пѣнь”), убийство и пленение монахов, священников и их семей, когда одни погибают, а другие достаются половцам (“ . . . черныци. и черницы. старыа иссекоша. и попы старыа слепыа и хромыа. и слоукыа. и трѣдоватыа. та вса иссекоша. а что черныцѣ инѣ^х и черницы. инѣ^х. и поповѣ и попадеи. и Кияны. и дщери ѣ и сѣны ѣ. то все ведоша иноплеменици в вежи к собѣ”) и, наконец, захват князя Мстислава Владимировича¹⁰, которого уводит к себе в Сновск Ростислав Ярославич, один из Ольговичей, союзников Рюрика [ПСРЛ, 1: 419].

¹⁰ Этот относительно малоизвестный князь Мстислав был сыном Владимира Мстиславича Мачешича и явно состоял с Ольговичами в некотором свойстве [ПСРЛ, 2: 604], но издавна колебался между ними и Ростиславичами, которые приходились ему двоюродными братьями по отцу. Впрочем, сидевший в тот момент в Киеве Ингварь Ярославич тоже приходился Мстиславу кровным родственником, а именно — двоюродным племянником.

Вообще говоря, главным орудием бесчинств, согласно летописному нарративу, скорее являются поганые половцы и Ольговичи. Тем не менее летописец недвусмысленно демонстрирует участие и главенство Рюрика во всем предприятии в целом. Достаточно привести здесь начало и конец соответствующей летописной статьи Лаврентьевского свода:

Взять бѣи Кѣевъ. Рюрикомъ и Улговичи. и всюю Половецкою землею [...] великии кнѣзь Всеволодъ. не поману зла Рюрикова. что естъ сотворило оу Рѣсте земли. но да и емоу шпѣа Кѣевъ [ПСРЛ, 1: 418, 419].

Существенны даты, под которыми составители летописей помещают это событие. В Лаврентьевской летописи речь идет о 2 января — “на памѣ . стѣ . Силивестра папы Римьскаго” [ПСРЛ, 1: 418], тогда как Новгородская летопись указывает на “1 день генваря, на святого Василья” [ПСРЛ, 3: 45, 240]. Как совершенно справедливо отмечал еще исследователь хронологии русского летописания Н. Г. Бережков, перед нами один из тех случаев, когда разницей в датах не следует приписывать ошибке одного из источников. По всей очевидности, самое событие занимало по крайней мере два дня: скорее всего, штурм Киева был начат 1 января, а разграбление, подробно описываемое в Лаврентьевском своде, пришлось на 2 января [Бережков 1963: 315, примеч. 84].

Таким образом, едва ли можно усомниться, что Рюрик Ростиславич, прежде задававший многодневные и многолюдные пиры в Киеве, на этот раз приурочил к своим именинам совсем иное событие. Стремление восторжествовать над противниками и вернуть себе город, по-видимому, сочеталось со своего рода мстостью киевлянам, которые после стольких лет его, казалось бы, благополучного и успешного княжения так легко отпали от него и согласились принять дотоле малоизвестного и малозначительного князя, не имевшего собственной военной силы, чтобы защищать город. Кровавый пир с участием половцев, возможно, должен был служить зловещим напоминанием о былых мирных обедах.

В этом смысле несовпадение фокуса датировок в более детализированном и в более дистанцированном рассказе двух разных сводов по своему показательны. В перспективе составителя Лаврентьевской летописи в большей степени существенны последствия взятия Киева для церкви и клира, притом что связь начала января с именинами Рюрика была для этого клира и всех, кто с ним соприкасался, в высшей степени очевидна. Полагаясь на описание других церемониальных праздничных событий, которые устраивал Рюрик, рискнем предположить, что княжеские именины отмечались не один день и все первые числа января были окрашены этим празднованием. Таким образом, символический подтекст неожиданного возвращения Рюрика и сопряженных с ним бедствий и так был достаточно ясен.

Что же касается показаний Новгородской первой летописи, то ее составитель, дабы подчеркнуть этот символизм, видимо, менее наглядный для его аудитории, выделял ключевую дату и акцентировал повествование на совпадении взятия города с именинами князя. Характерно в этом отношении, что в соответствующую погодную статью Новгородской первой летописи младшего извода входит сообщение о том, что Рюрик, из-за которого множество чернецов и черниц было уведено в плен, сам вскорости по распоряжению Романа был насильно пострижен в монахи в недавно разграбленном им Киеве:

В лѣто 6711 [1203]. Рюрикъ съ Олговици и с поганьми Половци, Кончакъ и Данила Кобяковиць, взяша град Къевъ на щить, въ 1 день генваря, на святого Василья; а кого доидет рука, чернца или черничю, или попа или попадьша, а тых ведоша в поганья; а что гости, иноземца всякого языка, а тѣ затворишася въ церквахъ, и вдаша имъ живот, а товаръ с ними роздѣлиша на полы; а что по манастыремъ и по всѣмъ церквамъ, всякыя узорочья и иконы одраша и везоша в поганѣи в землю свою; а град пожгоша. Тогда же ходиша рустѣи князи на Половци: Рюрикъ, Романъ, Мьстиславъ и инии князи мнози; тогда же зима бысть люта; и взяша мног полонъ и стада их отгониша. Того же лѣта посла Романъ Вячеслава, веля ему Рюрика пострици в чернци [ПСРЛ, 3: 240]¹¹.

Такое же неполное совпадение фокусировки при близости дат можно наблюдать в уже упоминавшихся летописных свидетельствах о рождении у Всеволода-Димитрия Большое Гнездо сына Владимира, который также стал *Димитрием*, тезкой своего отца по христианскому имени¹². Лаврентьевская летопись, чей составитель, по всей видимости, был непосредственным свидетелем повседневной жизни Всеволодова двора, сообщает, что ребенок появился на свет 25 октября [ПСРЛ, 1: 411–412], на память свв. Маркиана и Мартирия, в канун св. Димитрия, и был наречен в крещении *Димитрием*, — то обстоятельство, что Всеволода Большое Гнездо тоже звали *Димитрием* и что на 26 октября приходились его именины, представлялось ему, по-видимому, настолько очевидным, что не требовало экспликации — это была та часть совпадения, которую его аудитория могла без всякой подсказки достроить самостоятельно.

Что же касается Киевской летописи, вошедшей в Ипатьевский свод, то здесь столь изящная точность датировки не требовалась, зато потенциальному читателю необходимо было как следует продемонстрировать, в

¹¹ О насильственном пострижении Рюрика см. подробнее: [Литвина & Успенский 2012]. Как кажется, нет оснований полагать, что Новгородская первая летопись младшего извода в этом фрагменте являет собой лишь сокращенный пересказ соответствующей статьи из летописи Лаврентьевской. Во всяком случае, здесь налицо отсутствующие в пространном рассказе Лаврентьевского свода свидетельства о том, как нападавшие поступили с иноземными купцами, что могло представлять определенную значимость для новгородской аудитории.

¹² См. выше (с. 227–228).

чем именно заключается нечаянное совпадение и как Всеволод Большое Гнездо счел нужным его использовать. Не уклоняясь от истины, летописец сообщает, что ребенок появился до заутрени, т. е., в сущности, до наступления дня св. Димитрия, но при этом не отвлекается на упоминания святых, чья память праздновалась в предшествующий день. Напротив, он прямо говорит о том, что на св. Димитрия приходились именины отца княжича и что не кто иной, как отец, распорядился дать сыну свое собственное крестильное имя, а в качестве княжеского мальчик получил имя деда (“Мономаха Володимѣра”). Как кажется, такие же различия в актуальном членении, в распределении очевидного и нуждающегося в привлечении внимания, присутствуют и в обсуждавшихся выше рассказах о торжестве и бесчинстве, которые Рюрик Ростиславич намеренно приурочил к своим именинам — они-то и определяют неполное совпадение фиксируемых дат.

История о Рюрике — не единственное упоминание о своеобразном “антиповедении” на собственные именины, о том, как некое лицо взамен мирного празднования и/или благочестивых деяний на свои именины совершает некое из ряда вон выходящее злодеяние (напомним, что нападение на Киев в январе 1203 г. летописец характеризует с помощью своеобразной формулы беспрецедентности: “. . . и створиса велико зло в Русѣи земли. такоже же зла не было. ꙗко крѣченѣ надъ Къѣвовѣмъ. напасти были и взятѣя не такоже нынѣ зло се сстасъ”). В качестве столь же беспрецедентного нарушения всех мыслимых норм трактуются в летописных сводах и действия заговорщиков, убивших князя Андрея Боголюбского.

Субъектом злодеяния выступает в данном случае не князь, а его приближенные, и тем не менее здесь используются весьма сходные повествовательные модели. В различных летописных версиях “начальником” убийц объявляется Петр, Кучков зять¹³, в перечислениях заговорщиков, которые мы обнаруживаем в древнейших летописных сводах, он обычно фигурирует на первом месте:

... началникъ же оубиитамъ. бы^ѣ Петръ Кучковъ. зать Анбалъ Юсинъ ключникъ. Юкимъ Кучковичъ. а всихъ невѣрныхъ оубиитъ .ѣ. числомъ. иже са баху снали на уканыни свѣтъ. томъ дни оу Петра оу Кучкова. зата постигыши бо ночи суботнии. на памать. сватую аѣлу Петра и Павла. возьмше вружье. тако звѣрзе диви. пришедшимъ имъ к ложници. идеже блѣжны князь Андрѣи лежить [ПСРЛ, 2: 586; 1: 369].

Источники едины и относительно того, что окончательно заговор сложился, когда все его участники сошлись на память святых апостолов

¹³ В роли инициатора преступления может упоминаться и свойственник Петра, Иоаким Кучкович.

Петра и Павла у Петра, Кучкова зятя. Многократные соположения датировки по памяти свв. Петра и Павла, упоминание имени Кучкова зятя и указание на то, что именно в его доме было принято судьбоносное решение, трудно счесть простой случайностью.

В самом деле, при незначительном разное в летописных датировках они явным образом не выходят за пределы трех календарных чисел — 28, 29 и 30 июня¹⁴. Всюду упоминаемая суббота приходилась как раз на 29 июня, непосредственно на праздник Петра и Павла, т. е. основной “правильной” датой следует считать именно это число. Можно допустить, что, как и в истории захвата Киева, разноречивостью в датировках отчасти связан с тем, что события, хотя и разворачивались стремительно, все же заняли более одного дня, причем кульминация их пришлась на вечер 29 и ночь с 29 на 30 июня¹⁵. Даже если в том или ином летописном своде этот день ошибочно ассоциируется с 28-м числом, то так или иначе подчеркивается, что речь идет о дне памяти апостолов Петра и Павла или о его кануне [ПСРЛ, 3: 468]. Петр и Павел являются, так сказать, титульными святыми всякой версии данного нарратива, именно с ними каждый повествователь соотносит окончательное сложение заговора¹⁶.

Таким образом, у злоумышленников был более чем благовидный повод, чтобы собраться у Кучкова зятя: в этот день он, обладатель имени *Петр*, со всей очевидностью, был именинником¹⁷. С другой стороны,

¹⁴ В этом отношении показательны повествование Ипатьевской летописи, где при некотором отклонении от четкой хронологической последовательности событий все же вполне ясно упомянуто, что в пятницу Иоаким получает известие о том, что “брата его князь велѣлъ казнити” [ПСРЛ, 2: 585], в субботу они собираются на совет у Петра, Кучкова зятя, в ночь с субботы на воскресенье совершается убийство [ПСРЛ, 2: 586], а в воскресенье их злодеяние обнаруживается [ПСРЛ, 2: 589].

¹⁵ О соотношении различных летописных версий об убийстве Андрея Боголюбского см. в [Кучкин 2003].

¹⁶ Сложение заговора и убийство князя Андрея, как известно, охватывают вечер и ночь, и в связи с этим возникает традиционный для исследования русского летописания вопрос, на какой именно день в перспективе русского книжника каждое из этих событий приходится. Конец одного дня и начало другого могли определяться целым рядом параметров, использование которых давало различные результаты. Здесь актуальными могли быть, например, конец литургического дня, наступление дня светового, время ритуализированных завтраков и обедов, не говоря уж о сознательном стремлении повествователя отождествить, “подтянуть” канун или отдание праздника к самой праздничной дате. В нашем же случае самое существенное — это соотнесение имен святых с событием, дня Петра и Павла — с фактом сложения заговора. В этом отношении весьма показательны начало и конец изложения этого событийного ряда в версии Лаврентьевской летописи: “Оубьѣн же бѣ. мѣа. июня. въ .кѡ. днѣ на памѣ. стѡю аѣду. Петра. и Павла в сѣту на ночь [. . .] оубьѣн же бѣ в сѣту на ночь. и в свѣте заоутра мертвъ в нѣлю. на памать .вѣ. аѣду” [ПСРЛ, 1: 269].

¹⁷ Разумеется, в отличие от князей Рюрика Ростиславича или Мстислава Владимировича, о Петре, убийце Боголюбского, не сохранилось данных, какого

самый факт, что празднование именин перерастает в убийство князя, совершенное его приближенными той же ночью, а именинный пир превращается в кровавое пиршество, должен был, по-видимому, производить впечатление на составителей летописи и усиливать эффект рассказа для их аудитории¹⁸.

Как уже отмечалось выше, использование термина *именины* было отнюдь не обязательным для повествования о событиях, случившихся на именины. Любопытно, тем не менее, что первое появление данного слова в русских летописях связано, хотя бы отчасти, не с благополучным и благочестивым празднованием, но с заговором, обманом, злодейством, нарушением княжеской этики. Грядущие княжеские именины становятся своеобразным пусковым механизмом для целого ряда событий, которые, так же как и разграбление Киева Рюриком, отмечены в летописи формулой беспрецедентности, вложенной в уста Владимира Мономаха: “. . . сего не бывало ꙗко в Русьскѣи земли. ни при дѣдѣхъ нашихъ . ни при вѣцѣ ихъ нашихъ сѣакого зла” [ПСРЛ, 1: 262].

Речь, конечно же, идет о пленении и ослеплении Василька Теребовльского. Стратегия летописного рассказа об этом трагическом происшествии не так проста — элементы агиографического канона переплетаются здесь с показаниями очевидца если не самого преступления, то его последствий, который открыто и напрямую заявляет о собственном статусе непосредственного свидетеля (что, вообще говоря, относительная

именно из свв. Петров он особенно почитал и, соответственно, на чью память в точности приходились его именины. Однако апостол Петр был несомненно самым популярным из тезоименитых святых, и вероятность того, что Петр, Кучков зять, был крещен именно в его честь, весьма высока. Во всяком случае, читателю летописи трудно было бы интерпретировать иначе то обстоятельство, что на день Петра и Павла в его доме собралось не менее двадцати мужей, достаточно близких ко двору князя.

¹⁸ Возникает вопрос о сюжетной роли упоминания Собора 12 апостолов, праздника, приходящегося на 30 июня, т. е. на тот день, когда было обнаружено убийство князя. Насколько значим для повествования тот факт, что в числе прочих апостолов был и Андрей, чьим тезкой является Боголюбский? Полностью исключить возможность символического осмысления этого совпадения невозможно, но здесь, как кажется, мы вступаем в зону риска, связанную с избыточной интерпретацией источника. В самом деле, хотя мы не знаем наверняка, кто из свв. Андреев был личным патроном князя, прямой патронат апостола Андрея представляется менее вероятным, чем, скажем, патронат Андрея Критского или Андрея Юродивого. Кроме того, 30 июня — заведомо не принадлежит к числу главных праздников этому святому. Что еще более существенно, ни в данном эпизоде, ни в пространстве летописного повествования в целом мы не находим случая, когда с 30 июня связывались бы некие специфические действия самого Андрея Боголюбского, его окружения или чтивших его память потомков. И, наконец, отметим еще раз, что для этой части летописи датирование событий по праздникам — в отличие от “Повести временных лет” — явление заурядное, а апостол Андрей в интересующей нас датировке никак не выделен из числа других апостолов.

редкость для русского летописания) [ПСРЛ, 1: 265]. Лишь с определенной долей условности можно говорить о том, что Давыд Игоревич представлен в рассказе как инициатор злодеяния, а Святополку достается роль правителя, вовлеченного в это злодеяние хитростью¹⁹.

Так или иначе, тайное противостояние Давыда и Святополка с ничего не подозревающим Васильком Тербовльским складывается незадолго до Святополчьих именин, но Святополк все же уговаривает своего двоюродного племянника не уезжать и принять участие в праздновании этих именин (“присла Сѣтополкъ река. не ходи ѿ именинъ моихъ” [ПСРЛ, 1: 258]). Это заставляет заподозрить, что первоначально существовал план схватить Василька именно на именинном пиршестве, однако летописный текст не дает однозначных оснований для того, чтобы такое подозрение переходило в уверенность. Рассказчик скорее демонстрирует, как Давыд ловко использует отказ Василька дожидаться именин старшего родича в качестве решающего доказательства его виновности, призванного заставить Святополка окончательно поверить, что Василько готовится захватить его города и лишить возможности княжить в Киеве.

Независимо от того, насколько Святополк был прежде уверен в необходимости обманного захвата Василька, подобная тактика оказывается вполне успешной, и теперь уже Святополк совершенно определенно становится “носителем лести” и проявляет мнимую уступчивость, как будто поверив в объективную невозможность для Василька дожидаться его именин, и зовет того на некое предыменинное общее пиршество князей, на самом деле заранее спланированное ради захвата родича:

... и послуша юго Сѣтополкъ. и посла по Василка глѧ. да аще не хочешь встати до именинъ моихъ. да приди нынѣ цѣлююши ма. и посѣди вси с Дѣдмъ. Василко же вбѣщаса прити не вѣдѣти лести юже имаше на нь Дѣдъ [ПСРЛ, 1: 258].

Характерным для русского летописания образом, при описании подобных ситуаций рассказ обрастает интереснейшими бытовыми подробностями, темп повествования заметно замедляется, события каждого

¹⁹ Рассказчик с самого начала строит более сложную цепь последовательно совершаемого навета и обмана. В самом деле, Святополк “ѧ вѣру Давыдови. и перельсти Давыдъ Сѣтополка”, однако, согласно летописному тексту, еще прежде сам Давыд “имъ вѣры лживымъ словесемъ” некоторых мужей (Турыка, Лазаря и Василя?), которые наговаривали ему на Василька Ростиславича. В начале же этой цепочки стоит, разумеется, сатана [ПСРЛ, 2: 231–232]. Такое построение повествования дает летописцу возможность отразить всю сложность конфликта, где есть злодеяние, жертва, дурные поступки, но есть и необходимость распутать этот междукняжеский конфликт и найти для него некоторое благополучное разрешение, в рамках которого каждый Рюрикович останется при некоем княжеском столе.

дня приобретают самостоятельную значимость²⁰, хотя далеко не обязательно каждый день четко датирован и отделен от предыдущего особой ремаркой. Так, мы знаем, что Василько приехал и остановился в Михайловом Выдубицком монастыре 4 ноября, скорее, во второй половине дня. Именины Святополка приходились на 8 ноября, поскольку именно в этот день празднуется Собор Архистратига Михаила. О том, что Святополк Изяславич был *Михаилом* в крещении, упоминается в летописи [ПСРЛ, 1: 289; 2: 275], однако отнюдь не в этом фрагменте. Здесь автор опускает и дату Михайлова дня, и христианское имя киевского князя, скорее всего, как информацию целиком избыточную, более чем очевидную для его аудитории. Собственно, имя *Михаил* появляется лишь в связи с указанием посвящения Выдубицкого монастыря.

Таким образом, у нас есть возможность взглянуть на еще одну модель распределения фоновой и актуальной информации в летописном периоде и убедиться, что коль скоро речь шла о святом, тезоименитом великому князю, то для летописца и его аудитории было вполне достаточно одного из датирующих компонентов: упоминание княжеских именин делало в определенном смысле необязательным приведение точной даты их празднования и имени патронального святого. С другой стороны, зачастую вполне достаточно было назвать дату и имя соответствующего святого, чтобы эксплицитное упоминание термина *именины* стало излишним: читатель и так понимал, с каким празднованием связано это число.

Не менее существенен рассказ о Васильке Тербовльском и для понимания характера датировок, связанных с большими празднествами, устраиваемыми князьями или знатными, близкими ко двору правителя людьми. Становится очевидным, в частности, что княжеский съезд в таких случаях начинался за некоторое, впрочем, заведомо небольшое, время до точной даты именин. Несколько заранее могла начинаться и вереница приуроченных к именинам пиров, при этом всякий пир, включая, судя по всему, и пир именинный, легко распространялся на следующий день. Характерным образом, Василька, уже отправившего обозы домой, уговаривают остаться хотя бы до утра и участвовать в специально организуемом — тоже, вероятно, праздничном — завтраке родичей. Тем самым, аура именин, имея вполне строгую хронологическую приуроченность, распространялась на несколько дней, предшествующих и последующих, и именно так это празднование запечатлевалось в умах его участников и свидетелей.

Вместе с тем, за описанием праздника и переговоров о нем прослеживается устоявшийся церемониально-этикетный порядок, множество

²⁰ Ср., например, рассказ об убийстве половецких князей Китана и Итларя при дворе Владимира Мономаха [ПСРЛ, 1: 217–219].

деталей которого ускользают от нас как раз в силу очевидности их для летописца. Тем не менее, благодаря летописным диалогам Святополка, Давыда и Василька не возникает сомнений, например, в том, что участие в именинном пиршестве старшего родича было делом почти обязательным для приглашенных младших родичей. Во всяком случае, отказ от него, пусть и под благовидным предлогом, воспринимался как нежелание соблюдать иерархические отношения, собственно родовые и властно-княжеские:

... Василко же Ѡпрѣса река. не могу ждати еда будѣ рать дома. и присла к нему Дѣвд не ходи брате не услушаиса брата старѣишаго. и не всхотѣ Василко послушати. и рѣ Дѣвдъ Стополку. видиши ли не помнитъ тебе хода в твою руку. аще ти Ѡидеть в свою волость. да оузришь аще ти не займетъ гра твоихъ. Турова и Пиньска. и прочѣ гра твоѣ. да поманешъ мене. но призвавъ Кианъ и емъ и дажь мнѣ. и послуша кго Стополкъ [ПСРЛ, 1: 258].

Вообще говоря, указание точной даты — 4 ноября — и места, куда приехал Василько Теробовльскій, может подчеркивать то обстоятельство, что князь, не имея дурных намерений, которые приписывал ему Давид, и в самом деле не соблюдает неких требований, налагаемых на него княжеской иерархией: приехав в Киев, он не готов подождать и тех трех-четырёх дней, что остаются до именин киевского князя, хотя и останавливается в Выдубицком Михайловом монастыре, который в силу своего посвящения, очевидно, был связан с этим празднованием²¹.

Разумеется, утверждение о том, что пиры правителя в эпоху Средневековья были одним из важнейших средств репрезентации власти, отнюдь не ново. Тем не менее, история Василька Теробовльского позволяет на некоем новом витке еще раз вернуться к тому, с чего мы начинали эту работу. Уже к концу XI в. празднования именин встроены в круговорот княжеских ритуалов, им принадлежит весьма значительное место в династическом обиходе как таковом. С другой стороны, уже определен и круг ассоциирующихся с этим днем подобающих князю благочестивых поступков, хотя этому кругу еще предстоит несколько расшириться и усложниться. Именно поэтому всякое отклонение от такого двойного и взаимодополняющего порядка столь заметно для наблюдателя и столь эффектно в повествовании.

²¹ Напомним, что речь идет о монастыре, который был построен Всеволодом Ярославичем, а опорная стена в нем столетие спустя после описываемых событий будет возведена Рюриком Ростиславичем (см. выше, с. 228). Михайлова Златоверхого монастыря, собственной постройки Святополка, к середине 90-х гг. XI в. еще не существовало. Разумеется, мы не можем сказать, какой из Киевских храмов в данный период воспринимался Святополком как главный во время празднования собственных именин, но очевидно, что Выдубицкий Михайлов монастырь не мог быть в эти дни обойден княжеским вниманием.

Библиография

Источники

ПСРЛ, 1–43

Полное собрание русских летописей, 1–43, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, Москва, 1841–2009²².

Щапов 1976

“Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/37 г.”, по изд.: Щапов Я. Н., *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.*, Москва, 1976.

Литература

БЕРЕЖКОВ 1963

БЕРЕЖКОВ Н. Г., *Хронология русского летописания*, Москва, 1963.

Кучкин 2003

Кучкин В. А., “Летописные повествования об убиении кн. Андрея Боголюбского”, в: Я. Н. Щапов, ред., *Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник*, Москва, 2003, 61–65.

ЛИТВИНА & УСПЕНСКИЙ 2006

ЛИТВИНА А. Ф., УСПЕНСКИЙ Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики*, Москва, 2006.

— 2012

ЛИТВИНА А. Ф., УСПЕНСКИЙ Ф. Б., “Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин”, в: А. А. Горский, ред., *Средневековая Русь: К 1150-летию зарождения российской государственности*, 10, Москва, 2012, 135–169.

РАППОРТ 1972

РАППОРТ П. А., “Церковь св. Василия в Овруче”, *Советская археология*, 1, 1972, 82–97.

— 1993

РАППОРТ П. А., “О датах закладки и сроках строительства древнерусских храмов”, в: *Палестинский сборник*, 32(95), 1993, 37–42.

— 1993А

РАППОРТ П. А., *Древнерусская архитектура*, С.-Петербург, 1993.

DÜRIG 1954

DÜRIG W., *Geburtstag und Namenstag: Eine liturgiegeschichtliche Studie*, München, 1954.

MITTERAUER 1993

MITTERAUER M., *Ahnen und Heilige: Namengebung in der europäischen Geschichte*, München, 1993.

References

Berezhkov N. G., *Khronologiia russkogo letopisaniia*, Moscow, 1963.

Dürig W., *Geburtstag und Namenstag: Eine liturgiegeschichtliche Studie*, München, 1954.

Kuchkin V. A., “Letopisnye povestvovaniia ob ubienii kn. Andreia Bogoliubskogo,” in: Ia. N. Shchapov, ed., *Pis'mennye pamiatniki istorii Drevnei Rusi. Letopisi. Povesti. Khozhdeniia. Poucheniia. Zhitiiia*.

²² В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание.

Poslaniia. Annotirovannyi katalog-spravochnik, Moscow, 2003, 61–65.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antropomimiki*, Moscow, 2006.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., "Nasil'stvennyi postrig kniazheskoi sem'i v Kieve: ot interpretatsii obstoiatel'stv k rekonstruktsii prichin," in: A. A. Gorsky, ed., *Srednevekovaia Rus': K 1150-letiiu zarozhdeniia rossiiskoi gosudarstvennosti*, 10, Moscow, 2012, 135–169.

Mitterauer M., *Ahnen und Heilige: Namengebung in der europäischen Geschichte*, München, 1993.

Rappoport P. A., "Tserkov' sv. Vasiliia v Ovruche," *Sovetskaia arkhologiiia*, 1, 1972, 82–97.

Rappoport P. A., "O datakh zakladki i srokhakh stroitel'stva drevnerusskikh khramov," in: *Palestinskii sbornik*, 32(95), 1993, 37–42.

Rappoport P. A., *Drevnerusskaia arkhitektura*, St. Petersburg, 1993.

Shchapov Ia. N., *Drevnerusskie kniazheskie ustavy XI–XV vv.*, Moscow, 1976.

Анна Феликсовна Литвина, канд. филол. наук

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических
исследований, Школа филологии, Факультет гуманитарных наук
105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4

Россия/Russia

annalitvina@gmail.com

Федор Борисович Успенский, доктор филол. наук

Институт славяноведения РАН, заместитель директора

11991 Москва, Ленинский проспект, 32А

Россия/Russia

fjodor.uspenskiy@gmail.com